

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве от 12 августа 2020 года № ..., в отношении адвокатов А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), Г. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 18 ноября 2020 года дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвокатов А., Г., С. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 12 августа 2020 года № ... (вх. № ... от 17.08.2020, далее Представление), подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокаты А., Г., С. и представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е., извещённые надлежащим образом о времени и месте рассмотрения Советом дисциплинарного дела, в заседание Совета не явились, участие представителей не обеспечили, ходатайствовали о рассмотрении дисциплинарного дела в их отсутствие. Совет, принимая во внимание, что участники дисциплинарного производства своевременно получили Заключение Квалификационной комиссии, ранее давали объяснения, а также руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников не препятствует разбирательству и принятию решения, удовлетворил заявленные ходатайства и рассмотрел дисциплинарное дело в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах. Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

Согласно Представлению, «В Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве из Главного управления по расследованию особо важных дел Следственного комитета Российской Федерации поступили обращения старшего следователя по особо важным делам при Председателе Следственного комитета Российской Федерации Б. о нарушении адвокатами С., Г. и А. требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, Кодекса профессиональной этики адвоката, принятого первым Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 (далее – Кодекс). Из обращений усматривается, что в Главном управлении по расследованию особо важных дел Следственного комитета Российской Федерации осуществляется расследование уголовного дела в отношении группы лиц, причастных к совершению на территории Х. края и А. области ряда особо тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан. В ходе предварительного следствия 09.07.2020 в порядке статьи 91 УПК РФ задержан Ф., для обеспечения защиты которого допущены адвокаты С. на основании ордера № ... от 09.07.2020, Г. на основании ордера № ... от 09.07.2020. При производстве расследования по данному уголовному делу установлено, что согласно ордеру № ... от 16.12.2019, предоставленному в Московский городской суд, адвокатом С. заключено соглашение на защиту М., в связи с этим он был ознакомлен с материалами, предоставленными в суд в обоснование ходатайства о продлении срока содержания под стражей обвиняемого М., интересы которого находятся в существенном противоречии с интересами защищаемого им обвиняемого Ф. Согласно ордеру № ... от 23.11.2019, предоставленному органу предварительного расследования, адвокатом Г. заключено соглашение на защиту М. Интересы последнего противоречат интересам защищаемого ей обвиняемого Ф.

Согласно подпункту 2 пункта 4 статьи 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица.

В связи с выявленными фактами нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре 21.07.2020 вынесены постановления об отводе от участия в уголовном деле адвокатов С. и Г. как защитников Ф.».

В описанных действиях адвокатов С. и Г. Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве усматривает нарушение пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, пп. 10 п. 1 ст. 9, пп. 10 п. 1 ст. 9, п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Также в Представлении указывается, что «20.11.2019 в рамках указанного уголовного дела между свидетелем П. и подозреваемым М. проведена очная ставка с участием адвоката А., представившего ордер № ... от 19.11.2019,

выданный Адвокатским кабинетом «...» на защиту М. Однако в ходе предварительного расследования выявлены обстоятельства, свидетельствующие о том, что 17.05.2005 А. был допрошен в качестве свидетеля по тому же уголовному делу.

В соответствии с подпунктом 2 пункта 4 статьи 6 Закона об адвокатуре адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, если он участвовал в деле в качестве судьи, третейского судьи или арбитра, посредника, прокурора, следователя, дознавателя, эксперта, специалиста, переводчика, является по данному делу потерпевшим или свидетелем.

В связи с выявленным фактом нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре 21.07.2020 вынесено постановление об отводе от участия в уголовном деле адвоката А.».

В описанных действиях адвоката А. Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве усматривает нарушение пп. 2 п. 4 ст. 6, пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

В результате дисциплинарного разбирательства установлено следующее.

Правовой основой для оценки дисциплинарного обвинения адвокатов Г. и С. в осуществлении ими защиты Ф. в условиях конфликта интересов последнего и иного их подзащитного по тому же делу - М., являются требования:

пп. 10 п. 1 ст. 9 и п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката о недопустимости для адвоката быть защитником нескольких лиц в одном деле, если их интересы противоречат друг другу;

ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым адвокат, участвуя в судопроизводстве, должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства;

пп. 3 п. 1 ст. 72 УПК РФ, согласно которому адвокат не вправе участвовать в качестве защитника по уголовному делу, если он оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им подозреваемого, обвиняемого;

ч. 6 ст. 49 УПК РФ, согласно которому одно и то же лицо не может быть защитником двух подозреваемых или обвиняемых, если интересы одного из них противоречат интересам другого;

ч. 4 ст. 49 УПК РФ, согласно которому адвокат вступает в уголовное дело (а не «допускается» к участию в нём, как неверно указано в обращении следователя Б.) в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката

и ордера. Вступив в уголовное дело в качестве защитника, адвокат реализует полномочия защитника, предусмотренные ст. 53 УПК РФ.

Как следует из представленных в материалы дисциплинарного производства документов, адвокат Г. на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного с М. 23 ноября 2019 года, приняла обязательства по защите М. по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя Следственного комитета России, получив в тот же день и представив следователю Б., в чьем производстве находилось уголовное дело № ..., ордер № ... на защиту М., выданный Адвокатской конторой № ... Коллегии адвокатов «...», вместе с ходатайством об ознакомлении ее с материалами уголовного дела, подлежащими в соответствии процессуальным законодательством предъявлению защитнику, непроведении в ее отсутствие следственных и иных процессуальных действий с М., направлении в следственный изолятор уведомления о ее статусе защитника М. для беспрепятственного получения свиданий с ним.

Однако никакие протоколы следственных либо иных процессуальных действий, в которых адвокат Г. участвовала бы в качестве защитника М., заявления, ходатайства (за исключением указанного выше), жалобы, иные документы, поданные в защиту М., сведения о проведении адвокатом Г. встреч с последним, а также доказательства ознакомления адвоката Г. в качестве защитника М. с материалами уголовного дела, Главным управлением Минюста РФ по Москве в материалы дисциплинарного производства не представлены. Напротив, адвокатом Г. представлены в материалы дисциплинарного производства её жалобы в порядке ст.ст. 124, 125 УПК РФ, в которых ставился вопрос о признании незаконными действий (бездействия) следователя Б. по фактическому недопуску ее к участию в уголовном деле в качестве защитника М., что выразилось, в частности, в непредоставлении ей возможности реализовать полномочия защитника, о которых адвокат Г. заявляла в ходатайстве от 23 ноября 2019 года.

Факт неучастия адвоката Г. в каких-либо процессуальных действиях в качестве защитника М. подтверждается также содержанием постановления следователя Б. от 21 июля 2020 года об отводе адвоката Г. от участия в уголовном деле. В указанном постановлении следователь Б. в качестве доказательства приобретения адвокатом Г. статуса защитника М. сослался лишь на факт ее обращения с ходатайством о вступлении в уголовное дело, не указав ни одного действия адвоката Г., которое она бы предприняла в качестве защитника М.

Как следует из писем следователя Ми. от 02 декабря 2019 года № ... и следователя Б. от 03 декабря 2019 года № ... с приложенным постановлением

от 03 декабря 2019 года, следователем Б. адвокат Г. не была допущена к участию в уголовном деле в качестве защитника М. на основании заявления, поступившего от последнего 02 декабря 2019 года.

Таким образом, из материалов дисциплинарного производства следует, что адвокат Г., предприняв на основании заключённого соглашения действия ко вступлению в уголовное дело № ... в качестве защитника М., фактически защиту М. не приняла, поскольку не была допущена к участию в уголовном деле. Соответственно, она и не могла нарушить ни интересы М., ни требования законодательства о недопустимости защиты подозреваемых, обвиняемых в условиях конфликта интересов в связи с наличием конфликта интересов обвиняемых М. и Ф.

О каком-либо конфликте интересов, связанных с М. в качестве лица, заключившего с адвокатом Г. соглашение на оказание юридической помощи М., в Представлении не указывается.

Адвокат С., как и адвокат Г., заключив с М. 23 ноября 2019 года соглашение на защиту М. и оформив в тот же день ордер № ..., также обратился к следователю Б. с ходатайством об ознакомлении его с материалами, которые в соответствии с законодательством должны предъявляться защитнику, непроведении в его отсутствие следственных и иных процессуальных действий с М., направлении в следственный изолятор уведомления о наличии у него статуса защитника М. для беспрепятственного получения свиданий с ним. Как и адвокат Г., адвокат С. не был фактически допущен следователем к защите М. и обращался с жалобами в суд, прокурору и руководителю следственного органа в порядке, предусмотренном ст.ст. 124, 125 УПК РФ, на соответствующее бездействие следователя.

Письмами следователя Ми. от 02 декабря 2019 года № ... Б. от 03 декабря 2019 года № ... с приложенным постановлением от 03 декабря 2019 года, адвокат С. также был проинформирован, что на основании поступившего от М. 02 декабря 2019 года заявления он не допущен к участию в уголовном деле в качестве защитника последнего.

Вместе с тем, в материалы дисциплинарного производства представлен ордер от 16 декабря 2019 года № ..., выданный адвокату С. на защиту М. в ... суде, а также расписка адвоката С. об ознакомлении 17 декабря 2019 года в ... суде с материалом № ... по рассмотрению апелляционных жалоб на постановление ... суда города М. от 19 ноября 2019 года об избрании М. меры пресечения в виде заключения под стражу. При этом сведений об участии адвоката С. в заседании суда апелляционной инстанции 18 декабря 2019 года в материалах дисциплинарного производства не имеется, сам адвокат С. такое участие отрицает. Ознакомление с материалом № ... означает, что адвокат С. к

защите М. фактически приступил. Таким образом, при оценке его действий применимы положения законодательства о недопустимости защиты лиц с конфликтными интересами. При этом предметом настоящего дисциплинарного производства не является вопрос о правомерности ознакомления адвоката С. с указанными материалами в суде с учётом его недопуска следователем к участию в уголовном деле в качестве защитника. Каких-либо жалоб или иных обращений по данному вопросу в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

Как следует из материалов дисциплинарного производства, М., будучи задержан 18 ноября 2019 года и допрошен в качестве подозреваемого в присутствии защитника адвоката К., от дачи показаний отказался, сославшись на ст. 51 Конституции РФ. Далее М. было предъявлено обвинение, он был допрошен в качестве обвиняемого. Постановление о привлечении М. в качестве обвиняемого, а также протокол его допроса в качестве обвиняемого в материалы дисциплинарного производства не представлены. Будучи дополнительно допрошен в качестве обвиняемого 29 ноября 2019 года, М. признал вину в инкриминируемых деяниях и указал на Ф. как на соучастника.

Будучи допрошен 09 июля 2020 года с участием защитника адвоката Ко. в качестве подозреваемого, Ф. вину в инкриминируемых ему в группе с М. деяниях не признал. Сведения о последующем изменении позиции Ф. в части признания вины отсутствуют.

Следовательно, начиная с 29 ноября 2019 года в уголовном деле имеет место конфликт интересов обвиняемых М. и Ф.

При этом в соответствии п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката состав дисциплинарного проступка образует нарушение адвокатом законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, совершенное умышленно или по грубой неосторожности. Применительно к дисциплинарному проступку, который заключается в оказании юридической помощи доверителям в условиях конфликта интересов, это означает, что адвокат, на основании сведений, которыми он располагал либо должен был располагать, мог и должен был вне разумных сомнений установить наличие конфликта интересов его доверителей.

Материалы, представленные следователем в суд в обоснование ходатайства об избрании М. меры пресечения в виде заключения под стражу, с которыми адвокат С. 17 декабря 2019 года ознакомился в суде апелляционной инстанции, поступили в суд первой инстанции - ... суд города М. 19 ноября 2019 года. В тот же день ходатайство следователя было рассмотрено судом. Таким образом, протокол дополнительного допроса обвиняемого М. от 29 ноября 2019 года на момент рассмотрения материалов по избранию М. меры

пресечения в виде заключения под стражу отсутствовал. Сведений о том, что протокол дополнительного допроса обвиняемого М. от 29 ноября 2019 года был приобщен к материалам на стадии их рассмотрения судом апелляционной инстанции, в материалах дисциплинарного производства не содержится.

Никаких протоколов следственных либо иных процессуальных действий, в которых адвокаты Г. и С. участвовали бы в качестве защитников Ф., Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве в материалы дисциплинарного производства также не представлено.

Вместе с тем, адвокатом С. в письменных объяснениях, представленных в Квалификационную комиссию, признано, что он участвовал 10 июля 2020 года в заседании ... суда города М. при рассмотрении ходатайства следователя об избрании Ф. меры пресечения в виде заключения под стражу, а также 16 июля 2020 года в заседании апелляционной инстанции ... суда при рассмотрении апелляционных жалоб на постановление ... города М. от 10 июля 2020 года.

Именно в ... суде города М. при подготовке к рассмотрению ходатайства следователя об избрании Ф. меры пресечения в виде заключения под стражу адвокат С. ознакомился с протоколом дополнительного допроса обвиняемого М. от 29 ноября 2019 года, в котором тот дал показания о причастности Ф. к совершению преступлений в то время как последний настаивал на собственной невинности. Таким образом, адвокат С. на момент участия в качестве защитника Ф. в заседании суда города М. 10 июля 2020 года, а также в заседании ... суда 16 июля 2020 года был осведомлен о наличии конфликта интересов М. и Ф.

Однако эти обстоятельства также не свидетельствуют о нарушении адвокатом С. норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, совершённом умышленно или по грубой неосторожности, в силу следующего.

Приведённые выше требования уголовно-процессуального законодательства и законодательства об адвокатской деятельности (включая Кодекс профессиональной этики адвоката) о недопустимости осуществления адвокатом защиты лиц в условиях конфликта интересов основываются на доверительном характере отношений адвоката с лицом, которому адвокат оказывает юридическую помощь, и направлены на исключение возможности использования указанных доверительных отношений в ущерб интересам получателя юридической помощи, в частности, подзащитного по уголовному делу.

В этой связи Совет отмечает, что ни от М., ни от Ф. какие-либо претензии в отношении адвоката С. в связи с оказанием юридической помощи Ф. в

ситуации конфликта их интересов в Адвокатскую палату города Москвы не поступали.

Адвокат С., как и адвокат Г., заключив с М. соглашение на защиту М., с последним не встречались, ни в каких следственных и иных процессуальных действиях в качестве его защитника не участвовали, обладателями какой-либо конфиденциальной информации, полученной от М. не стали и, следовательно, злоупотребить доверительными отношениями с М. в какой бы то ни было форме не могли в силу того, что таковые отношения между ними не возникли.

Адвокат С. ознакомился с материалом № ..., предоставленным следствием в обоснование ходатайства об избрании М. меры пресечения в виде заключения под стражу, формально приобретя, таким образом, статус защитника М. Однако эти же самые материалы впоследствии стали ему доступны и при ознакомлении с аналогичным ходатайством следствия, поданным по тому же уголовному делу, уже в обоснование ходатайства об избрании меры пресечения Ф. Самому Ф. эти материалы также были доступны. При этом Ф. в силу изложенных выше причин не мог получить от адвоката С. никакой другой, недоступной ему самому (Ф.) иным образом, информации относительно позиции М.

Кроме того, после получения информации о наличии конфликта интересов М. и Ф. адвокат С. участвовал только в заседаниях ... суда города М. 10 июля 2020 года и апелляционной инстанции ... суда 16 июля 2020 года, предметом которых было рассмотрение ходатайства следователя об избрании меры пресечения Ф. в первом случае и жалоб на постановление суда первой инстанции по этому же вопросу – во втором. Никакие вопросы, которыми затрагивались бы интересы М., не являлись предметом рассмотрения в указанных судебных заседаниях. Следовательно, отсутствовала даже гипотетическая возможность причинения ущерба интересам М. вследствие участия адвоката С. в указанных судебных заседаниях, являвшихся обособленной судебной процедурой осуществления судебного контроля избрания меры пресечения.

При таких обстоятельствах Совет признаёт не опровергнутой презумпцию добросовестности адвокатов С. и Г. и приходит к выводу об отсутствии в их действиях (бездействии) нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в связи с дисциплинарным обвинением в осуществлении защиты в условиях конфликта интересов подзащитных М. и Ф., поскольку на момент обращения к следователю Б. с заявлениями (ходатайствами) о вступлении в уголовное дело № ... в качестве защитников Ф. они не были осведомлены о наличии указанного конфликта интересов М. и Ф., а впоследствии прекратили своё участие в деле, не совершив каких-либо

действий по осуществлению защиты в условиях конфликта интересов их подзащитных.

Одновременно Совет обращает внимание на противоречивость позиции следователя Б., который на момент обращения к нему адвокатов Г. и С. о вступлении в дело в качестве защитников Ф. располагал всеми материалами уголовного дела, в том числе протоколом дополнительного допроса обвиняемого М. от 29 ноября 2019 года, из которого следует конфликт интересов М. и Ф., однако вынес постановление об отводе обоих адвокатов от участия в уголовном деле в качестве защитников Ф. только 21 июля 2020 года. При этом в период с 09 по 21 июля 2020 года никаких препятствий для осуществления ими защиты Ф. следователь Б., очевидно, не усматривал.

В части, касающейся дисциплинарного обвинения в отношении адвоката А., Совет, как и Квалификационная комиссия, исходит из прямого запрета адвокату принимать поручение на оказание юридической помощи по делу, где он является свидетелем, предусмотренный в пп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

В материалы дисциплинарного производства Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве представлены ордер от 19 ноября 2019 года № ..., выданный адвокату А. на защиту М., а также первый и последний листы протокола очной ставки между свидетелем П. и подозреваемым М., проведенной 20 ноября 2019 года следователем Главного управления по расследованию особо важных дел Следственного комитета России Ми. по уголовному делу № ... с участием адвоката А. в качестве защитника М. Кроме того, представлены первый и последний листы протокола допроса по уголовному делу № ... свидетеля – директора ООО «...» А., произведенного 17 мая 2005 года следователем отдела по расследованию особо важных дел прокуратуры Х. края Ч.

Вместе с тем, никаких доказательств того, что адвокат А. и директор ООО «...» А. – это одно и то же лицо, в материалы дисциплинарного производства не представлено. Кроме того, отсутствуют доказательства тождественности предметов расследования, проводившегося в 2005 году по уголовному делу № ... следователем прокуратуры Х. края, и по уголовному делу № ..., находящемуся в 2019-2020 годах в производстве следователя Главного управления по расследованию особо важных дел Следственного комитета Российской Федерации. Представленные в дисциплинарное производство материалы не позволяют прийти к какому-либо определённом выводу по этому вопросу. Как указано выше, протоколы допроса директора ООО «...» А. и очной ставки между свидетелем П. и подозреваемым М. поступили в Адвокатскую палату города Москвы в составе первого и

последнего листов, поэтому их содержание, за исключением формальных реквизитов и сведений об участниках следственных действий, из представленных документов установить невозможно. Адвокат А. в ходе дисциплинарного разбирательства затруднился подтвердить либо опровергнуть факт его допроса в 2005 году, равно как и указать его предмет.

При таких обстоятельствах Совет признаёт не опровергнутой презумпцию добросовестности адвоката А. и приходит к выводу о недоказанности дисциплинарного обвинения в нарушении им норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

На основании изложенного, руководствуясь п. 9 ч. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвокатов А., Г., С. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 12 августа 2020 года № ... (вх. № ... от 17.08.2020), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков